

Горькие итоги

Воспроизводимая ниже статья написана профессором МГИМО(У) МИД России Андраником Мовсесовичем Миграняном. Уже тогда (2002 год) нынешний член Общественной палаты РФ и руководитель представительства Фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Нью-Йорке являлся видным российским политологом, а потому данная им скептическая оценка перспектив российской внешней политики не могла не привлечь внимания как экспертного сообщества, так и действующих политиков. Многие выводы автора статьи не кажутся устаревшими и теперь — в совершенно иные времена.

В самом деле, с момента опубликования текста прошла, кажется, целая эпоха. Для того чтобы показать это, напомним лишь некоторые факты. Начнем с того, что десять лет назад самой острой проблемой, стоявшей перед руководством страны, было погашение колоссальной задолженности, унаследованной от времен СССР: говорили даже о «проблеме-2003» (на этот год приходился наиболее значительный объем выплат под советским долгом). И это при том, что российская экономика еще не успела окончательно оправиться от последствий экономического кризиса 1990-х и дефолта 1998 года. Резкий скачок мировых цен на энергоносители открыл новую страницу в экономической истории «нулевых», однако в 2002-м еще ничто не свидетельствовало о том, что наметившееся улучшение конъюнктуры на глобальном рынке углеводородного сырья окажется не кратковременным сюрпризом, а превратится в стабильную тенденцию.

Продолжались военные действия в Чечне, начавшиеся в августе 1999 года. Территория мятежной республики была уже занята федеральными войсками, однако «ичкерийские» террористы все еще пытались навязать свою линию федеральному Центру, не считаясь ни с какими жертвами. Впереди были захват театрального центра на Дубровке (почти в центре Москвы) в октябре 2002-го и ад Беслана сентября 2004-го. Референдум по принятию конституции Чечни, формально закрепивший факт ее пребывания в составе РФ, состоялся только в марте того же 2003 года, и в 2002-м ничто не предвещало, что постепенная стабилизация ситуации является устойчивым трендом.

Далека от вождяленной «стабильности» была и политическая система: становление пресловутой «вертикали власти» только начиналось. Уже была введена система федеральных округов и утвержден новый принцип комплектования Совета Федерации, что резко ослабило возможности региональных властей оказывать прямое влияние на Москву (2000). Однако до отмены прямых вы-

боров губернаторов, окончательно оформившей новый дизайн политической системы страны, было еще далеко: она последовала лишь в 2004-м.

В этот драматический (а местами — и откровенно трагический) контекст вполне вписывались невеселые размышления автора о трех «стратегических отступлениях» российской внешней политики. Первое — в начале 1990-х годов, в эпоху Козырева, когда односторонние уступки Западу стали нормой. Второе — в середине — второй половине первого десятилетия «новой России», в бытность главой МИД Е. М. Примакова, и оно отличалось от предшествующего периода скорее риторикой, чем реальными результатами. Третье же, по мнению автора, развертывалось на глазах читателей и явилось прямым следствием неоправданных надежд на новые отношения с Америкой в рамках всемирной «антитеррористической коалиции» после 11 сентября 2001 года.

Сегодня, спустя десять лет, изменились, кажется, все и вся, однако пессимистичные выводы А. М. Миграняна явно рано «сдавать в архив». И дело не только в том, что сбылись (хотя бы отчасти) все его мрачные пророчества: реальностью стали и включение в НАТО бывшей советской Прибалтики, и закрепление США в Центральной Азии, и тенденция к складыванию под руководством Америки «нового шелкового пути» (прежде всего — для экспорта углеводородов), и наконец утрата Россией значительной части своих позиций в Закавказье. Однако гораздо прискорбнее то, что сохраняют свою актуальность десятилетней давности замечания о возможности дезинтеграции страны, которая может разделить судьбу СССР при сохранении существующих внешнеполитических трендов.

Главная опасность видится в том, что ни А. М. Мигранян, ни другие видные российские эксперты в области международных отношений, как бы точны они ни были в своих критических оценках, не предлагают никакого сколь-нибудь реального позитивного сценария, реализация которого способствовала бы коренному изменению status quo. За время, прошедшее с 2002 года, жизнь наглядно показала, что ни линия на жесткий прагматизм в отношениях с Западом, ни переориентация вектора российской политики с Запада на Восток и Юг (то есть на страны БРИКС) сами по себе не гарантируют укрепления внешнеполитического положения страны. В самом деле, хотя значительная часть позитивных предложений А. М. Миграняна была реализована российским МИД в «нулевые», полученные результаты носили сугубо тактический характер и не способствовали достижению нового качества внешней политики РФ. Что же касается изменений на уровне стратегии, то их способны принести лишь глубинные изменения *внутри* самой России.

Увы, об этом А. М. Мигранян не пишет.

